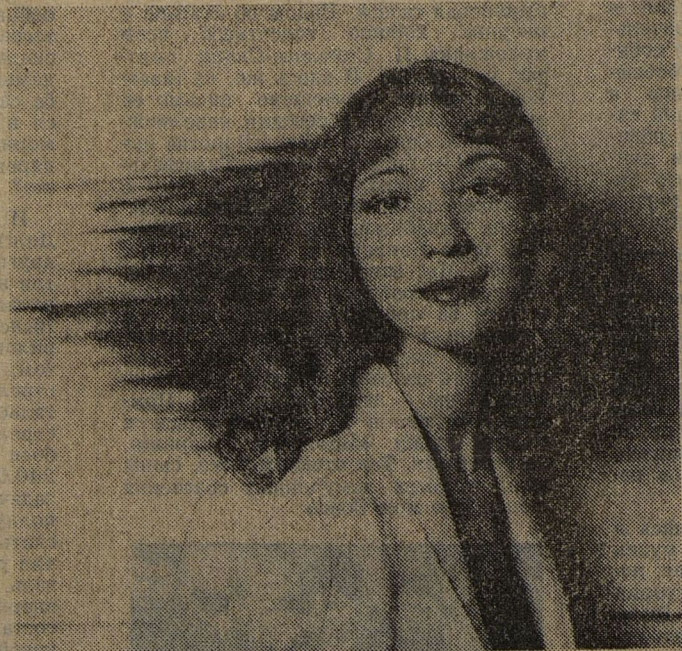


Эскизы к роли

СОВЕТСКАЯ КИНОТЕАТРА
г. Москва

18 СЕН 1984



В обстоятельной, не склонной к рискованным, скоропалительным решениям семье ленинградских медиков росла дочь, немного, правда, хрупкая, но отнюдь не болезненная, умная и чрезвычайно серьезная. Будущее ее рисовалось родным и близким отчетливо — пойдет в медицинский.

Судьба явилась Марине Левтовой в облике однокашницы Лены Цыплаковой, незадолго до того снявшейся в первом фильме Динары Асановой. Именно от Лены услышала Асанова о существовании Марины, по уверениям Цыплаковой, именно ее, «асановского», склада девочки. Что же до Левтовой, то она видела картину «Не болит голова у дятла» и считала автора стоящим человеком. Так что когда пришла открытка со студии, Марина обрадовалась, пожалуи, больше, чем удивилась, хотя о кино она раньше не помышляла. Потом состоялось весьма необычные кинопробы (впрочем, о том, что это были пробы, она узнала значительно позже), во время которых драматург Г. Полонский долго и трудно беседовал с десятиклассниками и пэтэушниками, приглашенными режиссером, по поводу одного странного письма в «Комсомольскую правду». Письмо принадлежало запутавшемуся по всей видимости юноше и касалось самых злободневных проблем жизни молодежи. «Сплошная чернуха» (школьный жаргон тех лет) — решили тогда уверенно ребята. С письмом они сумели разобраться достойно. Асанова же увидела своих героев в обстановке естественной и непринужденной. В Левтовой она не только не разочаровалась, но, напротив, была ею увлечена и по сию пору называет Марину одним из главных своих «актерских» открытий рядом с Е. Цыплаковой и О. Машин. Вот так не состоялись родительские надежды на продолжение врачебной династии. А на экранах, в «Ключе без права передачи», появилась нервная, резкая и беззащитная одновременно, сотканная из противоречивых чувствований и эмоций, яростно справедливая, точно отражающая психологию своего непростого возраста Юлия, без которой, ручаясь, такого фильма мы бы никогда не увидели.

Минуло десять лет. Сыграно около трех десятков ролей. Благодаря Асановой Марина почувствовала кинематограф как искусство, приняла бессознательно, интуитивно и сразу же в свои шестнадцать принялась служить ему бескорыстно и самоотверженно. Для начала — помреж у той же Асановой, которая снимала следующую свою ленту «Беда», а затем — в монтажной мастерской «Ленфильма». Левтова и теперь считает, что, не поступи она «со второго захода» во ВГИК на актерский, никакой трагедии не произошло бы — так увлекателен труд монтажера.

Но, как бы то ни было,

Марина Левтова попала во ВГИК, в мастерскую С. Герасимова и Т. Макаровой. И это было второе, после встречи с Асановой, решающее везение в ее жизни. Герасимов — человек, родившийся Учителем. И, кроме того, потрясающий актер. На свете найдется немного актеров, способных импровизационно, свободно играть с листа.

А что у Левтовой? Какие работы за ее плечами?

Нина в «Пробуждении», Лера из картины «Накануне премьеры», Надя из «Последнего шанса», Алина в «Тихих троечниках», Люба в «Жизни Берлиоза», Лена из фильма «Трижды о любви», Ольга Вронская в сериале «ТАСС уполномочен заявить...», Энн Рафферти из телевизионной же картины...

Я, к примеру, считаю для себя возможным сделать парадоксальное заявление. Актрису Левтову знаю и люблю, работу ее оцениваю очень высоко и жду от нее многого. Роли же Левтовой почти стерлись из памяти. Лишь сейчас (готовясь к разговору, я пересмотрел несколько ее картин), в воображении моем дифференцировались, существуют самостоятельно, ну, скажем, Анфиса из фильма «Моя Анфиса» и Лариска из ленты Свердловской студии «На чужом празднике».

Они действительно разные. Девушка-штукатур, полюбившая маменькиного сынка, оболтуска, не способного принять ни единого мало-мальски серьезного решения, а потому взявшая на себя инициативу объяснения в любви, и заодно всю ответственность за будущее своего избранника. И разбитная Лариска, хрипловатое дитя городских кафешек, стремящаяся урвать у судьбы кусок послаще, вконец растерявшая достоинство, жалкая и вместе с тем вызывающая сочувствие. Они разные и тем не менее неувлочно схожи, поскольку Левтова сумела передать в физическом облике и душевном строе своих героинь тончайшее сочетание остроугольности и лиризма — пуанты на педалях мотоцикла, домашний чай под одуряющий грохот и шарканье танцплощадки, гражданскую инфантильность на основе житейской умудренности юной старушки. Это чувствуется и в чрезмерно идеализированной Анфисе, и в отрицающей ее напрочь Лариске. Иными словами, Левтова сыграла определенный социальный тип времени, сумела наметить эскизы характеров узнаваемых, ярких (о полнотенных, объемных образах в пределах предложенной драматургии мечтать, увы, не приходится). Но каким бесцветным оказалось ее окружение в этих фильмах! Режиссерские потуги и неосуществленность актерских надежд. Фальшь сюжетных положений. И, естественно, на этом фоне энергичная, сочными мазками, несмотря на негромкость, манера игры

Левтовой кажется неуместной, внешность ее — неумеренно экзотичной, интонации — раздражающе резкими.

Быть может, здесь несколько сгущены краски? Ведь среди ролей актрисы есть интересные работы, украшающие профессионально, по крайней мере мастеровито сделанные — другому на всю жизнь хватило бы. Но не Левтовой.

Присмотритесь к Левтовой внимательно. Она способна на отражение критических состояний человеческой души, потому что просто родилась на белый свет как актриса перепада настроений, резкой их смены, актриса острая, злая. Злость ее — производное природной и приобретенной в общении с учителями доброты, жажды духовности, абсолютной честности и абсолютной чистоты помыслов.

На вопрос, зачем она снимается так много, что ей нужно от кинематографа, Левтова отвечает так же, как десятилетие назад, словами Юли из «Ключа...»: «Если бы мне предоставили возможность говорить со всем человечеством, я бы сказала: «Давайте жить по-доброму...».

В людях, о ком бы из дорогих ей товарищей по работе или наставниках шла речь, актриса настойчиво ищет важнейшее для нее краску.

«Подлинность», — твердит упрямо в двадцатый или сотый раз. — Они подлинны, понимаете...»

Видимо, чувствуя это обстоятельство, угадывая его, Левтовой то и дело предлагают роли социальных героинь. Однако, как это часто бывает в опасливой кинематографической практике с режиссерами и сценаристами не очень стойкими, не очень в себе уверенными, не очень-то, увы, умеющими драться за свои принципы, грани образа постепенно отесываются, противоречия затупевываются, и на экраны выплывает этакая «краса ненаглядная» из нестрашной сказки для детей преклонного возраста. Никаких человеческих проявлений, одно, по выражению Левтовой, «мерцание глазами». А ей бы — она в этом совершенно уверена — кинемор играть.

Представляете — кикимора ненаглядная! А что — она вполне это сможет. Ведь не только в пластике ее сплавлены угловатость и грация; не только в субтильной ее конституции проступают физическая сила и актерская двужильность; не только в лице, легко тронутым Востоком, незащищенная мягкость вдруг озаряется насмешливой ироничностью взгляда... но и в характере, поступках — лиризм, мелодичность тона внешне, в одно мгновение сменяются властью, сокрушительным напором, агрессивностью, атакующей смелостью.

Актриса продолжает работать много, безостановочно. Только что сыграла в двухмесячной дочкой Дарьей на руках еще один эпизод у Асановой в фильме «Милый, дорогой, единственный, неповторимый»; закончила роль Соньки, беспабашной подружки поэта в гражданскую войну, у В. Грамматикова в картине «Вера, надежда, любовь»; снимается в телефильме «Кто покрасил кошку?» у В. Федосова на Одесской студии.

...Как-то раз один из работников киностудии долго вспоминал, кто такая Левтова, а потом обрадованно воскликнул: «А, это такая тощенькая с коляской!» (Она тогда ежедневно проглатывала свою Дашку под окнами студии). И руками развел — мол, что же это вы, лучше не нашли! Поделом нам всем. Того и гляди проморгаем актрису. А она вон какая — кикимора ненаглядная!

Валерий
БАРАНОВСКИЙ,
кандидат искусствоведения,
Фото И. Гневашева.

231